

SECOND CLASS POSTAGE PAID AT LINDEN, NJ AND OTHER MAILING ADDRESSES

Ч.21 АЛЛЕНТАУН Н.ДЖ. 8ГО ОКТЯБРЯ 1999, ALLENTOWN, NJ, OCTOBER 8, 1999, VOL LXXII NO.21

ВІЗИТА МІНІСТРА ЕНЕРГЕТИКИ США ДО РОСИІ.

Міністр енергетики США Білл Річардсон ест з візитов в Москві. Он знакомится з виконанням американо-російской програми о забороні розповсюдження ядерной зброї, тиж хоче оглянути тоти склади ядерной зброї Росіі, котри будут знищени при помочи США. Білл Річардсон прибув до Москви, потом отвідів Мурманск, Дмитровград, Саратов і други місця.

ЗЕМЛЕТРУС В МЕКСИЦІ.

Пройшов сильний землетрус в Мексиці. Коло десяти осіб загинуло тиж ест ранени, багато будівель ест розрушених. Епіцентр землетрусу находився в штаті Оахака в 280 милях от Мехіко-сити. Сила землетрусу была така шо його відчули навет в Гватемалі, уж некажучи о мексиканской столиці, там високи дома рухалися а вистрашени люди вибігали на вулицю, думавши шо дома начнут падати.

АВАРИЯ НА АТОМОВІЙ СТАЦИИ В ЯПОНИИ.

В місті Токаімура, на атомнім реакторі сталося пропусканя радіактивного матеріалу. Трое робочих атомовой стації дуже потерпіли, 34 особи дістало облученя різной степени. Бівше як 310 тисяч людей котрі жиют в радіусі 6 миль от реактора, были вимушени цілий ден бити в дома з закритима дверима і вікнами, жеби таким способом зберегтися от радіації. Тоту самопроізвольну атомову реакцію, котра загрожала екологічнов катастрофов вдалося узяти під контроль.

МОСКВА.

В Москві в домі на Тверській бив знайдений забитим продюсер російской

кабельной телесітки, 34-ох річний англічанин Кристофер Рис. Як повідомила московска миліція, смерть наступила в результаті колотого поранення. Нияких слідів злomu дверей і вікон не виявлено.

Кристофер Рис почав робити на російский кабельній телесітці в іюле 1998 року, он був отповідальним за випуск молодіжних розважальних телепрограм і немав ниякого отношеня до політичних передч. Тотя телестанция переважно показуе "Мильни опери" і кінофільми і незаниматся аналізом текучих новин. Слідчи думавут, шо забити Риса могли його ділові партнери, бо он занімався в Росіі комерційной діяльністю.

Мексика.

В місті Селайя, котре ест розположене в центрі Мексики пройшли взриви, котри немоют жадного відношеня до терористів. Першов зірвалася фабрика по виробництву вибухівки і після чого злетіла в повітря бензинова стація. Загиуло 56 особи і 348 осіб ест ранени.

По словах міністра внутрішніх справ країни Диодоро Караско, перший взрив який стався не на фабриці а в сусіднім магазині де продавали хлопущки і порох. По других даних, спочатку зірвалася фабрика по виробництву вибухівки, від взриву пяти тон динаміту. Аварийни команди і пожарни, котри прибули на місце взриву находилися в страшній ситуації, кругом стали гриміти нові взриви, розвалюватися

будівлі. Серед загинувших пожарники, робітники аварийних служб, службовці межнародового Червоного хреста і журналісти.

ПОСЛІДНА МОЯ ПІСНЯ

Ой дітята-соколята,
Змагайтеся на крылята,
Бо я уже сокол старый,
Уж мі крыла поламаны.
Горі-долов літаючи,
Свои діти пытаючи,
От юности до старости
Изнемогли жылы, кости.
Ах, літал и я высоко,
Понурылся я глубоко,
Плыл я по шумным струям
Без кормщика — правил сам.
А кілько то стихий бурных,
Кілько молний и стріл буйных
Изнес от врагов природных
И от чужих и от родных.
Не красился пирьом чужим,
Но кріпился духом дужим,
Не изменял ни на страстях,
Терпіл біду в тых напастях.
Скубли врагы зо всіх сторон,
Выставляли мя на сором,
Розбивали, як колокол,
Но я остал старый сокол.
Был соколом для родины,
Співал пісни соколины,
Учыл так и Вас співати
По сокольому літати.
Так дітята-соколята,
Змагайтеся на крылята,
Старый сокол уж не може
Он вам больше не поможе.
Білий ваш світ, білий світ,
В ньом до селі гріха ніт,
Вы не берте чуже піря
Бо то для вас лем потеря.
С мыслю о горный жизни,
Жийте на благо отчизны,
А чужизны стережит ся,
Чуже в нас не устоится.
Я созерщил мою жизнь,
Днес пою последню піснь,
Піснь последню для Вас милых,
Соколиков широких.

На Бескиді в родном краю,
В том исконном русском раю,
Где-м світ узріл, там лежати,
Хочу вічно спочивати.
Схороните мя в дубраві,
При скалах и в густой траві,
Сами здоровы співайте,
И на сокола памятайте.

Александр Духнович

Село Липовец и його история

Написал Андрей Кирпан

Андрей Кирпан, Торонто, Онт.
Канада

Село Липовец розвивалося на заход сонця, от його повітового міста Санюка на Лемковині. Никто аккрат не може доказати, як оно оснесалося, бо никто не записувал того. Но устны передавання, котры сохранилися до днеска говорят, што село было основане в 1640 року, то есть, того року была побудована церковь. Но ище перед тым, тут мали поселитися 12 рдин из Пряшевщины. Они и село назвали "Липовец", бо його поля были покрыты липами. Так што мойому родному селу Липовец давно минуло 400 роков. И што за дивна история: днеска коли я того пишу, в 1958 року, в том мойом старинном селі зас жие лем 12 родин. Они чуются больше очужеными днес, як чулися тоты 12 родин, котры там осілися 400 літ тому назад.

Едним свідком, по котром люде познают днешный Липовец, то тота деревяна церковця, котра и до днес стоит. На ей датах люде сперечаються. Едны повідають, што в том році церковь побудована, другы, што в том році, коли церковь была поправляна, коли ей было 255 роков. То бы значило, же церковь будована на

пняку ище в 1448 р. Но с 1703 року церковь фикто не поправлял, бо не треба было. Дерево тверде, як кремень, аж ся блищит на сонці. Церковь побудована на скалі, то ей нич не шкодит.

Як нашы предкы поправляли тоту церковцю, то нашли под ей сподками лист, в котром было написано: "В лісі дерево стинаме, церковь Божу будуеме." Записано 14 господаров. Розумієся, што напевно лем еден з них писати знал, и всіх подписал.

Церковь будовал мудрый будовничий. Зроблена по плану и красной лемковской архитектурі. Самому Николаю Николаевичу ся полюбил, коли он у нас перебувал на квартирі. Його адъютант ей отмалювал, а я ся на то

дивил. То было в 1915 року, в Першу Світову войну. Воеводу Николая Николаевича я добре виділ. Был середнього росту, дост тугий, сивий, як сніг, и старый коло 70 роков мог мати. Мой няньо звідувалися адъютанта, чого малює церковь. Он отповіл, же тот малюєок церкви буде в Москві в музею, то и нашы внуки и правнуки будут видіти вашу церковь.

Дерево на церковь было всьо рубане, нигде пилы не было слідно. Там, где треба было пилов отрізати, было топором обрубане. Мала она три шувной формы турні, оббиты дробными гонтами. На каждой турни трираменный крест.

В середині церковь была обліплена полотном, а по полотні малюнкы ружных святых. В церкві могло поміститися сто люда. Наоколо церкви был плот стародавний аж деси в 1908 року го змінили и там были похованы нашы предкы, а може и всі тоты, што ище тоту церковцю будували. Церковь служила красным отпочинком нашым тяжко працюющим селянам в неділю, и потужала их до дальшой работы. Бо то не легке житья было в наших горах за наших часов, но як перед нами люде трудно жили, то лем можна додуматися.

Мое родне село Липовец было бідне, гористе, каменисте, неплодородне. Подобне было не лем мое село, але така ціла наша Лемковина. Нераз я чул, як от родичов и от наших сусідов бесіду, же який чорт выдумал ту людем жити, таж ту лем волкам бивати, а не людем.

Школа ся зачала в Липовці аж в 1905 року. Перед тым лем трьох хлопов в селі знали читати и писати кромі дьяка. То был Ватралик, што пристал с Тыльовы до Липівця, Теодор Яворницкий и Теодор Кирпан, то мой няньо. Няньо научился читати и писати при войску. Они были уж цугсфирерсм при австрийской армии. То кому треба было лист написати до Америки, то ишол до тых хлопів, або аж до Яслиск до жида, котрый за шустку написал, або прочитал лист, як му дал другу шустку. В нашом селі была школа гдеси давно, але учителя не было, а може не было и кому выстаратися за ним.

Нашы газдове ратували свое житья, кромі господаркы промыслом. Як уж поорали и посіяли, то по яри оставляли жены и решту родины дома пильнувати посіяного, а сами ишли до Дукли купити дві бочки мази, то есть, остатні отпадкы от оливы, котром газдове смазували деревянные возы. Бочка такой мази коштувала 5 риньских, то є 10 корун австрийских. Рідке и чор-

не называли ропа, а як додал до ней дві части воды и добрі вымішал, то ся зробило густе, як

замішка. С тым товаром ходили по словаках и мадьярах и там продавали. Една літра коштувала 10 крайцаров. Але за грошы мы не любили продавати, лем за зерно, бо зерно вартало три разы тилько, як тых 10 крайцаров. Люде того дуже купували, бо мусіли. Як часом бракло того густого материала, то мусілося продавати тото рідке без воды. Але тото люде не любили брати, кричали, же то ошуканство, же рідке водом розпуцено. Тогда продавец перепрашал, же того густого забракло, але на другом селі он має тото густе, то зараз піде и довезе. Так он зышол за село, налял воды до бочки, замішал и вернул з густом мазью, котра продавалася, як на чудо. По двох тыжднях такой возанкы газда вертал до Липівця с полным фуром зерна, пшениці, жита, кукурузы и фасолі. Так и коні утримал и сам ся переховал до новинкы.

По жнивях тото саме повторяли. Я так само ходил з няньом на тоты фурманкы. Раз зме пришли на ночь до едного богатого газды за Перебышовом. Был то богатый газда з роду бачов. Мы виділи його великы подвіря, то зме знали, же буде мал місце переночувати, и коням што дати. За такой ночлег мы платили 5 літер мази. Кто переночувал мазяря, мал чым цілый рок возсмазувати.

Пришли мы до нього и просиме нас переночувати.

— В мене моя віра така, — говорит газда, же подорожного треба в дом прийняти, — Я вас прийму и послужу вам с чым лем буду мог. Вы собі идте до хыжы, а мои сынове вашы коні выпряжут, накормят и напоят. А вы будьте спокойны, нич вам не пропаде. Я мам добрых псов, што будут доглядати ваше и мое майно...

Жені тот газда приказл зрыхтувати добру вечерю для нас, а сам гдеси вышол, але не надолго. Мы зараз знали, где он ходил, бо вынял с торбы палюнку и нас ище перед вечерьом добрі почестувал и сам выпил з нами. По вечері стал з няньом до бесіды:

— Слушайте, — говорил газда, — вы подорожный человек, ходите світами и вшитко знате. Я так само дуже розумію и помагам людем в ріжных потребах и выпадках, але сам собі не можу помочы. Мам велике стадо овец, и штоси ся стало, барз мі овцы здышут, каждый день по 3 и по 4. Раджу, што можу, але нич не помагат. Прошу я вас, помогте мі в мойом несчастью, я знаю,

(Продовження на ст.3)

же вы можете, бо вы світовий человек...

Няньо наразі не гварят нич, но потом начинают отказуватися, же они нич в том ділі не знают. Але газда не вірил, же знают, лем же не хотят му помочи.

Так няньо мушены были што-си робити, хоц не знали, жебы ся с хыжы с порядком спрятати. З рана встали, вышли за стодолу и назберали якогоси бадыля, травы и квітків и приказали му, же-

бы тото зіля высушил и курил тым зільом овцы в ночы о 12 години за три дни, а до того, жебы шептал слова: "Най пропаде зараза, як тот дым!"

Дал нам газда рано ище добре сніданья з выпивком, и мы пішли собі з няньом в дальшу дорогу. Няньо дякували Богу, же ся вырвали из рук газдови-бачови.

На другий рок мы зас пришли з няньом до того села на ночь, але не до газды-бачы, бо зме ся бояли, же нас набьют. Але там, где зме исчували, люде нам росповіли, же йому овцы перестали здыхати, же якийси мазяр му добру пораду дал. Но але и йому донесли, што в селі есть мазяр. Он за хвилю зо сынами пришол до того газды и з великом радостью забрал нас до себе, дякуе и просит, чым може нам вынадгородити, же мы го так поратували...

Няньо гварит:

— Я не жадам нич, добрі, же помогло.

Он был барз ображенный, же мы до нього перше не пришли. Так он не пустил нас зо своего двора за три дни. Мы хочеме ийти, а он нас не пустит.

— За вшитко тото, што в мене стратите, то будете мати заплачено, — сказал газда-бача.

И ани зме не виділи, коли нам товар з воза звалили, а наклали полный воз зерна:

— Заберите собі тото зерно домів и ся верните по свой товар и так підете дале, — повіл нам бача.

Мы так зробили. То было в 1914 року в апрілю, и мы мали в осеги вертати назад, але выбухла война и наш товар там до днес стоит. Я там недалеко того села был уж потом, як ем дизентерувал от польского войска, але не знал ем, як ся село называт и не мог ем там быти.

Но до днеска мя удивлят вопрос, як вспомну о том, што тым овцам помогло, же веце не здыхали. Ци так моцно вірил в няньовы чары, ци аккурат няньо графили на таке зіля, ци може выпало, як раз так, же тот сезон, в котром овцы здыхали, як раз тсгды окончился, бо няньо нич не знали, але мусіли ворожити.

Тоты часы до 1914 року Липівчане называють золотыма часами. Бо хоц не вшиткы ходили з мазьом, але иншыма способами зарабатяли, то ходили с цибульов, с деревяном посудом. Ходили на работы, молотити, косити на Мадьяры, бо границі были отворе-

ны, то мог ходити, где кто хотіл. Так было за Австро-Угорскої монархии. А по ей розвалі, як бы камінь в воду шмарил, ани руш заробити, ани за границу на работы не пустят, ани на емиграцию до Америки. Народ ся множит, землі стае меньше. Тогда начинатся злодійство дома, на поли и в лісі. А гуляти людем веце хотілося. Треба было вкрасити, штобы было о чом погуляти на весілях и забавах. Бывало и так, што на весілю было веце непрошенных, як прошенных. Тоты

з оловянками и острыма ножами все были першы. Им всі другы весільны мусіли уступати с дороги в танци. Єдного полицмана было мало, все мусіли парами ходити. Як ся руснакы побили, то полиция ся с тым тішила, же меньше их буде.

Остатный лист, як я мал с перед Другой Світовой войны, где-си в 1938 року из своего села, то в ньом доносили, же уж до того доходит, же люде просят войны, абы тото бандитцтво прочистила. Або просили допущения даякой другой заразы. Так як настала война, то тоты "герои" розбишакы пішли з бандеровцями. И правда, же их розогнали по світу, але и они запричинили нашому народу и нашому селу велике горе.

До 1938 року Липівчане рахували себе руснаками и православными. За Юнию Люблинску нич не знали, бо старшы священники им о том не повіди. Послідный русский священник в Липівци был Николай Волошинович. Помер в 1909 року. На його місце остал його зять Василь Кот из Чертежа, коло Санока. То был перший украинский поп в нашем селі. Вмісто православных начал выпоминати Асафата Кунцевича и католицку віру. Он был з русского села, сын русских родителей, але достал німецку школу. Люде с ним ище лем зато были счастливы, же был женатый, то мусіл троха з украинством ся встрімувати, але тоты, што уж были самотны целибаты, то уж были яры украинскы фашисты.

Они не дбали, як долго на селі ся утримают, бодай якнайвече народу шкоды наробити.

В 1914 року, як хлопців брали на войну, тот поп закликал няня и повідат: "Біда, нее с кым службу правити. Пошлите звого хлопця до мене, най го підбучу, може хоц вечерню буду мог с ним отпавити."

Поп мал на мысли мене.

Так я ся учил, стал дяком, и был ним до 1929 року. Передо мною дяком был мой старший брат, але мой брат кончил гимназию и консисторию, а я лем был самоук. Интеллигенции в Липівци не было, лем передовы сознательны газдове, котры могли засновати читальню и руководити аматорским кружком. Помагал им в том учитель Иван Вацлавский и його брат Михаил. Сына старого попа Волошиновича Александра, мого брата Михаила Кирпана забрали до Талергофу, як москвофильов, а Иван

Вацлавский помер в Вороблику, бо там был учителем. Його брат Михаил был учителем в Синяві, а по войні перешол до Чехословакии, где был школьным инспектором.

А Волошинович и брат, як повернули из Талергофу, то Волошинович так само перешол границу до Чехословакии и был в Михаловцах Шовга-Бировом, а по нашому старостом и судьом. Он робил за двоих урядников.

А брат подупал тяжко на здоровью в Талергофі, то пішол на операцию до Кракова, под час

котрой помер. И так всім пришол конец, ани єден уж не жие.

Волошинович был дуже добрый человек. Мы його называли "паничом". Раз моя мама звідуются го: "Вы, паничу, учитесь на его-мостья?"

Он ся на то образил и повіл мамі, же он не буде за грайцар бабы сповідал, як його тато.

Под час мого дизертирства я часто до него заходил и он мі все помагал и вшиткым з нашего села помагал, кто до нього за помочом пришол. Был справедливым человеком и дуже любил свой народ. В Михаловском округі всі го знали и любили. Казали, же такого Савго Бирова ище нигда в Михаловцах не было, ани не буде. Он паньскы земли отберал, а бідным давал. То было в 1920 року, як я был коло Угеля при мадьярской границы и мене часто шандаре напастували и страшили, же мя передадут полякам, же я там не могу быти без жадных документов. И я раз задумал, же треба ийти до "панича", най мі даст пораду.

Зашол я до Михаловец и просто до суду, бо он там мае быти. Была десята година разо. Хочу ийти до середины, але коло двері стоит шандар и не хоче мя пустити. Каже, же о 12 години могу видіти Совга-Бирова, а скоре не вольно.

— Што то значит, не вольно! Я хочу зараз його видіти, — домагался я.

Совга-Биров почул нашу голову бесіду и ся звідует, кто там есть.

Шандар повідат, же якийси человек хоче видіти пана главно служного, а не хоче послухати, же тепер не можна.

— А кто то есть, привед го ту! — приказал судья.

Як мене увиділ, зараз по имени мя назвал и казал сидати, подал сигареткы:

— Кур и призерайся, што ся ту робит.

И ци есть такой судья дагде, абы подчас росправы своего отца або навет брата пустил за тот стол, при котром он сам сидит? Я не думам, и то мі есть до днес дивне, якы люде бывають на світі. Он не ганьбился адвокатов и урядников, што там были, же я простой хлоп в білых ногавках коло нього сиджу. Он ся тішил, же мае своего человека коло себе и може го видіти.

(Продовжена на ст.4)

И так росправа за росправом переходит, а я ся на вшитко дивлю. Ту так видео, як в зеркалі, же котра сторона винувата.

Привисл шандар єдного цигана и циганку. Шандар цигана роскул, а урядник передає папір "паничови". Он читат: "Вы ту оскаржены, же сте тому газдови куркы вкрали. Ци призгааетеся до вины?"

— Боже заваруй! Жебы мя поразило! Жебы-м свои діти не виділ!— Може дакто инший, але не я! — отповіл циган.

— Але там были свідки, што виділи, и видно было, же тоты цигане куркы покрали.

Судья дал циганови два тыждни арешту, а на мене оком кліпнул.

Я шепнул судьи, што я бы му веце дал, як два тыждни, но он отвітил, што таке право.

Пришла 12 година, судья повідат: "Идме на обід." И идеме улицом, бо в Михаловцах лем една улица селом. Дост слизко было, бо то было в зимі, а ту с помеже будиноків летит груды снігу просто судьи за карк, аж му капелюх злетіл. Я поднял му капелюх, смотриме, што ся стало, а там стоить паробок и дівка, били ся снігом, и дівка нехотячи кинула грудом на улицу. Совга-Биров собі нич с того не робил, бо повідат, же молоды и певно ся любят...

Вошли зме до реставрации, и ся мя звідуе, што я буду їсти.

— Я не знам, што ту дають. Я бы хотіл кеселиці и бобу, але може не мають, — повідам.

Дал мі папір, што на нїм написано, што мають їсти, але я нич не розумію, и думам собі, што я бы нич не хотіл, лем жебы мя ту не было.

Судья знал, же я ся в том не розумію, росказал мі тото дати, што и сам їл и потом всьо заплатил. Я лем сам єден простак там был а решту самы головны панове. Мі там цілком не было приемні с ними. Я воліл голодний дагде за углом почекати. А як зме кончили їсти, повідам:

— Паничу, я пришол до вас о пораду. Шандаре мя безпокоят и хотят мя передати полякам...

Як зме вернули назад до судового будинку, он мі написал таке письмо, же мене не може никто без його позвоління рушити. Дал мі ище десятку на дорогу до дому.

Хотіл я тепер с Канады довідатися, ци он ище живе, то я написал до товарища Грица, с котрым разом зме дизентерували, бо он там до днес остал, то мі отписал, же його сынове суть при уряді, то и через газету глядали го, то ся довідали, же помер в Ужгороді. Кто бы знал ліпше за нього, най бы дал знати. Такий человек вартат почтения и надгороды.

Уклад в нашом селі даколи был такий, што газда, як мал сына женити, то сам глядал жену сынови, в таком місци, где бы он мог як найвече з ньом віна

взяти. Такий газда мал або довг у жида, або зо 4 дівкы отдавати. Як не было такой в його селі, то он ишол на другы села, лем рюк сынови: "Ваню, зпрягай коні, зберся и поїдеме!"

— Где поїдеме? — озыватся Ваньо.

— Як то — где?! Та уже час ся ти женити, сыну. Я довідался, же там и там мають дівку и добре віно з ньом дають.

— Та я не знам тоту дівку!

— Ты будеш мал дост часу до смерти ей познати. Лем ся погвивай, абы нас дакто не спередил.

Знял Ваньо керпці, а обул боканьчы, тоты, што лем на неділю обувал. По дорозі няньо дае

раду, як сын ма жену выберати, абы ся не ошукал:

— Ты лем смот, сыну, яка дівка, ци ма обі руки и обі свои ногы, бо уж таке ся притрафило, што мало, што свого мала, то абы зме каліку домів не привели. А я зо старым побесідую.

Пришли до хижы и гварят:

— Та дай, Боже, добрый день!

— Та дай, Боже, дай и вам.

Привиталися и по палюнку послали, бо видят, же спросатаре пришли. Отец подышол ку дівці и гварит: "Спросатаре ту, умый ногы, позберайся." Дівка вырхтувалася, спросатаре за столом сидят, идят и пьют.

Закличте ту вашу дівку, най з нами выпье.

Пришла дівка, выпила и уж ся показало, яка з ней пиячка буде. По келишку, ани ся не зморщила. Выпила, як воду. Руки и ногы мае и то, дост грубы, буде чым ходити и чым робити. А лице, як ся подвяже, возме корали, та гарда буде, хоц бы чорт семеры керпці сходил, то таку пару не зобье до купы.

Так не єдного Ваня оженили. Ище як их поп в церквѣ заклѣл, то уж мусіли жити до смерти, бо иншого ратунку не было. Отец віно взял и пороздавал дівкам, а ты, сыну, газдуй, бо грунт на тебе записаний, абы-с нас гардой смерти доховал. А жені повічь, най ся не пхае ку пецу, бо ту ище мы газдове.

Чом в нашом селі 12, ци 14 газдов могли збудувати церковь, а 180 не могли? Там уж были

цвьякы и трачы и дві громады людей — Липовец и Черемха, котры належат до єдной парафии, и так ся дусили тысяч людей в церквѣ, котра была збудована лем на сто людей?

Я кладу вину на попов, котры там переходили. Бо они учены. Нераз пришли до села з вализком, може и порожньом, а побыл два, або три роки в селі, и як змінял парафию, то треба было пять добрых фур, абы перевезли го на друге місце. И як он може народ учити. Як он бы тото робил, то на другу парафию перешол бы с том самом вализком, з яком пришол. Но и як такий поп мог заохотити и дати план, як нову церковь побудувати, як с того он жадной корысти не буде мал. Люде выдадут грошы на

церковь, котра все в селі остане, а йому не будут мати што давати, то кто бы собі такой кривды хотіл. Хыбаль лем барз справедливый человек. До будовы церкви Липівчане забралися на пару заводов. Ище до I Світовой войны бискуп позволил зберати каміня з його ліса. Каждый газда мал привезти єден сяг каміня, то есть 4 кубичны метры. Каміня звезе, але пришла I Світова война и так остало. По войні зас псовина села было знищено, так каждый хотіл перше свою газдовку из ран выгоити. В 1929 року начали будувати нову церковь, але нияких фондов на будову не было. Бискуп позволил каміня з ліса взяти, але будувати с нього не позволили. Писали и

просили о камінь и о дерево. Але ниякы просьбы не помогли, хоц церковь была бы на нього записана. Війтом в тот час был Ваньо Гирила Мигалитчин. Розумный человек был хоц и слабо грамотный. Он прочитал письмо с забороном от бискупа, так селяне перешли на православие. На громадском собранию была выбрана делегация до Тылявы к православным, то был я и наш вїйт, о пораду. Послі того ціле село, лем бывший вїйт Данько Мац, ся не записал. Но то был тот самый, што думал, же нигда не помре, а в часі войны выдал німцям нашу лемковску молодежь на невольничы роботы.

На другу неділю поп довідался, што село переходит на православие, и што я и вїйт были делегатами. Приходжу до церкви, а поп злый, нервовый, кидат книжками, кадилком. Ледво зме утрению отслужили. Поп посберался до Службы, а я иду до нього, же хочу высповідатися, зберамся в далеку дорогу за море. Може ся даякий трафунок стати, не хотіл бы-м з грїхами на тамтот світ идти.

— То клякай.

Я приклякнул, и оповіл свои грїхы. При конци звідуеся, ци непригадую собі даякы грїхы. А я кажу, же не пригадую нич.

— Жалуешь за грїхы?

— Жалую!

— Жалуешь, же ты бунтувал людей, абы перешли на православис?

— Ніт, того не жалую. Я тото не уважам за грїх.

— То я тобі не дам розгрїшення.

— Як не дате, то не дате...

— Як ты підеш в дорогу з грїхами?

— Я грїхы выповіл и жалую за них.

Поп знял з мене епетрахиль и стал мене учити, яка православна віра есть фальшива. Я тоже стал на ногы, бо уж коліна мя боліли. Нашы переговоры были долгы. В церкви ани єдной души, вшиткы вышли на дворь.

(Далій буде)